

Насыщенная программа Фестиваля японской культуры в Москве предоставила столичным театрам редкую и тем более ценную возможность познакомиться поближе с разнообразными явлениями современной японской культуры. Среди них театр «буто» (появшийся в 60-е годы стиль танца, синтезировавший западный модерн с восточной эстетикой и философией) — один из самых уникальных.

Человек под струей песка

Веч. Москва. — 1998. — 28 сент. — с. 6

Юрий БАРИКИН

Танцовщики «буто» признаны во всем мире, особенно любимы в Америке и во Франции. Теоретически европеец может постигнуть это искусство, но поскольку для него необходимо умение сконцентрироваться на духовных процессах и принести в танец способность самосозерцания, лучше всего это удастся японским танцовщикам. Так считает господин Усио Амагацу, представитель второго поколения стиля «буто», привезший в Москву свою труппу «Санкайдзюку» с мировым хитом — спектаклем «Унаэцу» («Вертикальные яйца»).

Философия этого фантастически изысканного зрелища в исполнении четырех артистов и солиста лаконична: «Рождение — смерть — возрождение». Но эта аксиома выражается в совершенно небывалой по строгости и элегантности форме. Выбеленные тела танцовщиков с кроваво-красными ногтями (это традиционный «грим» для тела артистов «буто») движутся медленно и застывают в графически-неотразимых позах. Кажется, что в танце импульс движения идет не от тела, а от мысли, что фигуры, выбирающиеся на сцену через рампу, не рождают танец в недрах

своей физической оболочки, а рождаются самим танцевальным порывом.

Водяная рябь мелкого бассейна и концентрические круги отражаются вместе с тенями на заднике, создавая мир спектакля — призрачный, населенный тенями, которые прислушиваются к звукам космоса.

Песок и вода, струящиеся сверху, символизируют жизнь и смерть. Звук капли порой оказывается мелодичнее звучания любого инструмента. А аплодисменты в финале каждой из семи картин оказываются так же не к стати, как на концерте в консерватории. Тишина и молчание — необходимые условия восприятия спектакля «Унаэцу».

Кроме пяти исполнителей, на сцене есть еще персонажи — это яйцо-маятник, яйца-статисты и яйцо-про-тагонист. Яйцо — символ жизни, ее конечности в физическом смысле и бессмертия в философском — играет в спектакле наравне с танцовщиками. Поэтому тела так неуклонно стремятся принять позу эмбриона или шара, поэтому они так стремятся раствориться в воде, лечь на ее поверхность, уснуть на ее мелкой ряби. С полуобнаженных тел и намокающих костюмов стекают струи, рисуя в пространстве еще один причудливый танец. Руки танцовщиков с алыми ногтями живут отдельной тревожной жизнью. Тени на стене чертят магические письмена.

Струя воды, разбивающаяся об яйцо в облаке мерцающих капель, символизирует оплодотворение. Разбиваясь и исчезая, яйцо умирает. Человек под струей песка медленно погружается в небытие, поскольку песок символизирует смерть и неостановимый бег времени. Погребальный звон сменяется тишиной, в которой происходит последняя борьба героя с неизбежным. В идеале, наверное, зритель должен дожидаться того момента, когда песок скроет танцовщика от глаз публики. Буквально неотразим эстетский, медитативный поклон, похожий на эпилонг к спектаклю, так сильно отличающийся от выходов на аплодисменты, принятых в европейском театре.

Если философия «Унаэцу» постижима, но не очевидно близка сознанию русского балетомана, то уж рафинированная красота зрелища его, безусловно, трогает за живое. Недаром европейцы восторженно встречают танцовщиков «буто» на фестивалях в Авиньоне и Нанси, приглашают в Париж в «Theatre de la Ville» играть все европейские премьеры. Спасибо театру «буто» — за лаконизм и мудрость. На очереди — уникальный театр знаков «Кеген».